

ЛЮДМИЛА ШАРГА
ЯБЛОНЕВЫЕ СНЫ

Стихотворения

Одесса
Optimum
2014

ББК 84 (4Укр=рус) 6 Од.
III 25

*Автор благодарит издательство «Optimum»
и литературный фонд «Овидий»
за поддержку в издании книги.*

*В оформлении обложки использована
фоторабота «Яблоки в траве».*

*Автор Олег Самотохин (Киев, Украина).
Фотография автора – работа фотохудожника
Ольга Rostislavna (Одесса, Украина).*

Шарга Л. В.

III 25 Яблоневые сны. Стихотворения/Людмила Шарга.
– Одесса: Изд-во «Optimum», 2014. – 108 с.

ISBN 978-966-344-578-6

Людмила Шарга (Одесса, Украина) – поэт, прозаик, публицист. Член Южнорусского Союза Писателей. Лауреат международных литературных конкурсов и литературных премий. Автор сборников поэзии и прозы «Адамово ребро» (2006), «На проталинах памяти» (2008), «Билет в осенний день» (2010), электронной книги стихов «Рукой подать..» (2012), электронной книги прозы «Повесть о падающих яблоках».

Редактор сайта творческой гостиной Diligans.

ББК 84 (4укр=рус) 6 Од.

©Изд-во «Optimum», 2014

©Шарга Людмила Васильевна, 2014

ISBN 978-966-344-578-6

*Приговорена к родной земле,
где от века жили мои предки,
где морозный иней в феврале
серебрится на уснувших ветках.*

*Приговорена к родной стране,
где учились первые уроки,
где легли на сердце в детстве мне
памятные пушкинские строки.*

*Приговорена навек к ветрам,
что свободно над полями веют,
и в туман уходят по утрам
по песчаным золотистым свеям*.*

*Приговорена к вершинам гор,
к земляничной солнечной поляне,
мне по праву этот приговор
предки мои вынесли — славяне.*

**Приговорена.
И тем живу,
что душа изодранная в клочья,
яблоком антоновским в траву
упадёт в России где-то ночью.**

*Свей (диалект.) — мелкая рябь на песке.

Яблоневые сны. Седмица

Вторая седмица месяца,
малиновый выпит квас,
и яблоки тихо светятся,
предчувствуя скорый Спас.
Предчувствуя осень скорую
да ранние холода,
плетёную гладкость короба
да стылую мглу в садах.
Туман заставляет плакать их,
иль знают — обречены...
спят семечки в неге мякоти
и вещи видят сны.
Им, семечкам, снится-верится,
что солнце растопит лёд,
зелёной стрелой деревце
из сонной земли взойдёт.
И всё повторится заново,
и будто бы смерти нет,
и влажную землю саваном
укутает пальый цвет...
А в эту седмицу, в августе,
так ночи и дни ясны,
и в воздухе столько благости,
что яблоням снятся сны.

* * *

Только-только месяц зарев в окна постучит,
плачут горькими слезами яблоки в ночи.
Прилетает Сирин-птица* в яблоне́вый сад,
и по яблоням струится мёртвая роса.
Птица Сирин навевае́т до́лгий морок-сон,
плачет птица — омы́вает яблоки росой.
До полудня плачет Сирин, не жалея слёз,
но остави́т светлы́й Ирий птица Алконост,
и к полудню в сад заветны́й, в яблоне́вый сад,
где на ветках слёзы Сирин — мёртвая роса,
принесе́т росу живую и стряхне́т с крыла
Алконост — иная птица, песнь её светла.
Тонкой кожи́цы косне́тся чистая роса,
светом яблоко налье́тся, просветлеет сад.
В том саду с тобою, ладо, нам бы век гулять,
только яблоки не надо с веток обрывать.
Не срыва́й до Спаса яблoк, лихо не зови,
разолье́тся сонны́й морок у тебя в крови,
стынут слёзы на ресни́цах — мёртвая роса...
Усыпи́ла Сирин-птица яблоне́вый сад.

* * *

Август негою убаюкал,
уговорами улестил,
но прокралась в ночи разлука,
и слепым дождём шелестит.
Что ни ночь, то зря прохладней,
что ни день — то ночи длинней,
Въедет засветло Авсень-всадник**
в сад мой на золотом коне.
Скажет: «Милого не ищи, мол...
не бросай на ветер слова,
на реке — за тихой ложиной —
отцвела одолень-трава***.
Ночью сиверко цвет развеял,
и ушли лепестки на дно...
Зиму лютую одолеешь?
Нелегко зимовать одной...»

*По народному преданию утром на Яблочный спас прилетает птица Сирина, которая грустит и плачет. После полудня прилетает птица Алконоста, которая радуется, и от этой радости яблоки наполняются целительной силой. (Бобров А. А. «Русский месяцеслов на все времена»).

**Авсень — славянское божество смены времён года.

***Одолень-трава — водное растение, кувшинка.

Нелегко, говоришь... да надо...
Только жизнь, говоришь, права?
Возвернётся весною ладо,
расцветёт одолень-трава...
За рекой, за тихой лощиной,
много ягод — да все горчат.
В пояс кланяясь: «...не ищи, мол...»,
мавкой выйду его встречать.

* * *

Разлукой легла
тень воронова крыла,
и радость угасла,
словно и не была
я самой счастливой
женщиной на Земле.
Не таяло слово древнее
на губах,
не падали звёзды в небо... —
пуста изба,
и свет её окон
уже не спасёт во мгле.
Мой ладо, ответь,
я, видно, сошла с ума,
коль тянет меня
в заброшенные дома?
Что в них я ищу,
ведомая чьей рукой?
Наверное, мне
было когда-то там
легко засыпать,

чувствуя на устах
твои поцелуи,
яблоки,
и... покой,
и верить в рассвет,
не веря календарю,
встречать без тревоги
утреннюю зарю,
и греться в твоём дыхании,
и... молчать.
Не светится красный угол в пустой избе.
И как мне об этом, ладо, сказать тебе?
Сковала уста мои
разлуки печать...

Рукой подать

Рукой подать, —
а всё ж не прикоснуться,
и Яблочного Спаса жар остыл...
Мы просто не успели оглянуться,
засахарился летний мёд на блюде,
и яблоки печальны и желты.

Рукой подать, —
а всё ж не оказаться
у яблони, светящейся в ночи,
чтоб на траву примятую бросаться
и падалицы трепетно касаться,
и слышать, как ты рядышком молчишь.

Рукой подать, —
а всё ж не заблудиться,
хоть Спаса в октябре простыл и след.
Всё дальше наши взгляды, наши лица,
но сок под тонкой кожей струится,
и источает мякоть нежный свет.

Рукой подать, — а всё ж не прикоснуться,
нет летних нот в октаве октября.
Но этот голос мне помог вернуться
туда, где мёд, как золото, на блюде,
и ты молчишь...
и яблоки горят.

Сердце августа

Тепло до срока лето разбазарило,
не греет солнце — сколько ни проси,
но полыхают зори;
август — заревом
издревле называли на Руси.
И утренник — из ранних — землю выбелив,
таится в оксамитовых лугах,
где сумерек лиловых взгляд погибельный
сочится сквозь полуденный угар.
А зори-заряницы сердце радуют,
медовый воздух, будто загустел,
и яблоки в садах ночами падают,
во влажной исчезающей темноте —
под яблоней — в траве — где тишина густа,
где-то и дело слышится в ночи,
как падает и бьётся сердце августа,
и замирает...
и опять стучит.

* * *

Август ближе к призрачной гавани,
к неизбывности детских снов,
я оттуда на лодке в плаванье
уходила с одним веслом.
Чтоб вернуться, молилась загодя,
за собою не жгла мосты,
и плыла до заветной заводи,
где ни спешки — ни суеты.
До плавучей солнечной пристани,
где ни зим не сочтёшь — ни лет,
только знала, что будут пристально
те, кто любит, смотреть мне вслед.
И, услышав: «вернись... пожалуйста...»,
снова падала наяву
спелым яблоком в сердце августа,
в ночь,
в некошеную траву.

*Говорим с тобой о том — о сём,
о стихах, что, как дожди — проходят,
вроде бы о Мацуо Басё,
а на самом деле — о погоде.
Говорим о сущих пустяках,
без которых наша жизнь убога,
о плавучих дальних маяках,
и о том, что впереди — дорога.
Говорим с тобой или... молчим?
Каплями дождя слова стекают...
Далеко разносится в ночи
эхо летних гроз, не умолкая.
Дышит август...
Осень впереди.
Всласть наговоримся о погоде.
И пускай идут себе дожди,
и стихи...
идут — и не проходят.*

*Стихотворение посвящено Вере Зубаревой.

Прощание с летним днём

*Ах, ни одна душа ещё не вынесла
бесследно этой дьявольской игры.
Наталья Крандиевская-Толстая*

Летний день, крылом души касаясь,
в край воспоминаний отлетал,
осыпался цвет «ночных красавиц»,
отпускала Землю суета.
Тосковали травы о прохладе,
выпадала первая роса,
и манили шаг ступить на кладь
с берега иного голоса...
Всё смешалось: недруги и друзья,
прозы и поэзии дары...
(говорят, что скорби в Первом Круге,
лишь начало дьявольской игры...)

Оживали сказы и былины,
прорастая явью сквозь века:
и казалось, кладь — Мост Калинов,
а под ним — Смородина-река.
Становились былью небылицы,

и крылом пыталась взмыть рука,
чтоб лететь, лететь вечерней птицей,
в даль, где пыль от конницы клубится,
или... грозовые облака.

Этой ночью мне л о д ь я приснилась,
тёмным серебром струился путь:
выпала кому-то божья милость
от земных освободиться пут.
А кому-то на исходе лета
вспоминать по-доброму о нём,
и, касаться краешка рассвета,
и спешить за новым летним днём.

* * *

Смещение пространств.
Смешенье лиц.
И тают крики перелётных птиц.
И воды рек неспешно засыпают.
И сонные деревья осыпают
обрывки перевёрнутых страниц...

...и падают слова,
и на ходу,
страницы облетевшие листья,
(среди них была одна — полупустая),
я по аллее в сумерках иду.
Никто не звал,
никто не обещал,
что до конца испишется страница,
но как прикажешь с брэнностью смириться,
оставить эту землю, не ропща...
Осознаю, что трачу время зря,
осознаю, что от рожденья з н а ю,
что в мир иной, где будет жизнь иная,
круг новый, новым словом начиная,
я выйду ранним утром октября.

И лёгкий шаг мой, словно мастихин,
оставит след, посеребрённый льдами,
у дома, где снегами опадали
в мои ладони первые стихи.
Их не было нужды запоминать,
всего-то нужно было только вспомнить,
и таял снег,
и было нелегко мне
остатки талых слов в руке сминать.
Снег таял...
занимался новый день,
там к новой жизни возрождался кто-то,
и отступала сумрачная тень,
и новый снег спешил за поворотом;
а в доме говорили: Покрова,
и пряный дух тянулся с сеновала...
и оживали мёртвые слова,
и я — как будто — с ними оживала.

За птичьим клином

Пересыпаю морской песок...
Но день, предсказанный птичьим клином,
смешает запахи:
свежий — глины,
и горьковатый — травы иссоп.
Там будет парус звенеть — упруг,
и воздух — свеж,
и прохладны камни,
там — под проснувшимися руками —
затянет песню гончарный круг.
Благословляя на дольний путь —
к исходу лета — за птичьим клином,
в неискущённую влажность глины
вольётся тихое чьё-то: «Будь...».
О, это бремя, носить в крови
глоток божественного дыханья,
неизлечимо болеть стихами,
несвоевременно гнёзда вить
и безнадежно искать тепла,
отогреваясь средь палых листьев,
вдали от кем-то избитых истин,

не пресмыкаясь...

Не вброд, а вплавь

спешить на запах травы иссоп,

что смешан с запахом влажной глины,

к исходу лета — за птичьим клином —

чтоб обратиться в морской песок.

Осенних равноденствий плен

Осенних равноденствий плен —
тенета липкой паутины,
тоски тончайшая патина
об ускользающем тепле.
Всех «за» попытка лишена
делить всё то, что неделимо.
Безжалостна, неумолима
и беспощадна тишина
к таким же пленникам, как я —
адептам стихотворных магий,
познавшим, сколь остры края
у столь податливой бумаги...
Негромкий треск горящих дров
сдерёт тоскливую патину,
солжёт осенний палиндром,
что всё на свете обратимо.
Но вспять бегущие — не мы,
к нам тишина неумолима...
А всё, что было неделимо,
разделит первый день зимы.
Стихи и прозу,
дух и плоть,
причины действий и бездействий,
и от осенних равноденствий
оставит мнимое тепло.

Видать, и мне отпущено сполна...

Видать, и мне
отпущено сполна
испить из чаши бдений у окна —
из темноты пугающе-манящей,
и приручая эту темноту,
уверовать, что мудрость обрету,
узнав, что только ищущий обрящет.
Видать и мне отпущено стареть,
Париж увидеть и... не умереть
от разочарованья и досады,
и видеться среди живых живой,
и запастись лунною травой,
спускаясь в полнолуние с мансарды,
чтоб пережить и боль, и смерть друзей,
и поголовье выскочек-ферзей
с повадками подобострастных пешек...
Молить о снисхожденье небеса
и получать,
а стало быть — писать,
не опасаясь гаденьких усмешек.
Всё просто —
мне отпущены сполна
и неба синь и моря глубина,

и первоснежья миг,
и — первоцветья,
чтоб в каждом дне минувшем видеть свет,
и на любой вопрос найти ответ,
а на последний так и не ответить.

Я почему-то знаю...

Я почему-то знаю наперёд,
что дом мой будет им на откуп отдан:
летейским водам и житейским одам...
безвольным и без-смысленным свободам,
стяжателям —
да кто их разберёт...

по всем счетам до срока — и сполна,
причины нет упоминать теперь их...
но раковину полуую волна
с утра выносит на безлюдный берег
и оставляет — спящей — на песке,
среди раковин других — домов ничейных;
они лежат — незаняты никем,
ну а в мою пожалует отшельник.
Увы, ему придётся привыкать
к безмолвию, что глуше год от года,
к тому, что двери настезь — без замка
возможность не для выхода —
для входа.

Он будет становиться в тишине
самим собой — без маски и без кожи,
и станет на меня во всём похожий,
все сны мои переглядев во сне.

Ему не убежать и не уйти,
тому причиной дверь — она открыта.
Сидел бы ты, отшельник, взаперти
и был бы счастлив, оттого что сытый,
от осознания: кто-нибудь придёт —
и отопрёт...

Но лучше перемётная сума,
чем вот такая мнимая свобода,
и соблазняют старые дома
возможностью незапертого входа...

Мой дом оставлен,
и на откуп отдан,
и у дверей зима, зима, зима...

Незимние стихи

И пишутся незимние стихи,
полным-полны какой-то чепухи.
А надо бы писать о снеге первом —
что тает, людям действуя на нервы.
Он эфемерен, этот снегопад,
случившийся не вдруг, но невпопад.
Не оттепель, но...слякотно и грязно,
и близится любимый с детства праздник,
я всё ещё, как в детстве, жду его
и зажигаю свечи в Рождество,
хоть на душе и пасмурно и серо...

афиша разноцветная висела,
присыпанная снежною пылью;
там, растекаясь, таяло лицо
«из оттепели», из шестидесятых;
и оплывал костюмчик полосатый,
и слово «...гений» изменяло цвет...

Последние стихи привёз поэт,
хотя давным-давно устал писать их.

А так хотелось из шестидесятых,
из оттепели, из весны лихой
простых, незабываемых стихов,
с которыми выросла и грустила,
с которыми синицу отпустила,
прельстившись горделивым журавлём —
(летаем порознь,
порознь гнезда вьём...,
но в гнёздах ничего не происходит,
по-прежнему «не те» туда приходят,
причина до банального проста:
там я — не та...)

Заносит снегом улицы и крыши,
и оплывают мокрые афиши,
под утро дождь внесёт свои штрихи...
Так пишутся незимние стихи.

*Не привыкай ко мне.
Привычка
слывёт нежнейшей из убийц.
Я стану калькой дней обычных,
обыденности пригубив.*

*Я стану тайной пыльных комнат,
венчальным обернусь кольцом...
оставь грядущим Незнакомкам
мои глаза...
моё лицо...*

*Не привыкай ко мне.
Мы – Боги.
Нам предначертаны века.
Для нас расстелены дороги
не на Земле – на облаках.*

*Пускай, мои объятия скомкав,
в чужих утешисься.
Пускай.
Оставь мне участь Незнакомки.
Не погуби,
не привыкай...*

Ещё одну жизнь на стихи потратить...

Ещё одну жизнь на стихи потратить,
прожить её где-нибудь в... Подмосковье,
чтоб горечь осеннюю по утрам пить,
туманом приправленную и тоскою.

Иль вечером снежным — за чашкой чая —
стихи вспоминать и читать тебе их,
подкармливая одичавших чаек,
на пристани спящего Коктебеля.

Ещё одна жизнь — без потерь, без боли.
Возможно ли,
чтобы судьба другая?³
В двуречье Тарусы — вдвоём с тобою,
и только в стихи от тебя сбегая.

Так, целую жизнь длиною в... осень,
в октябрьские две, нет... в три недели
прожить, и исчезнуть, будто вовсе
нас не было,
и давно нигде нет.

Ни в шорохе палой листвы осенней,
ни в песне далёких морских прибоев...
И только в стихах проступают тени
всех жизней, что выпали нам с тобою.

По осени пою

Простишь ли мне высокопарный слог,
когда пишу о самом сокровенном,
о том, что все неприкосновенно,
что называют «истина» иль «Бог».
Мне не изжить восторженность мою,
и детскую, по сути, беззащитность.
Как будто каждый палый лист прочитан...

По счастью — я лишь осенью пою.
Мне тягостно дыхание весны,
и летом я себя, увы, не слышу,
а осенью мой голос выше, выше,
и в том, признаться, нет моей вины.
Но может, я затворничаю зря?

*Без-молвна
и без-крыла,
и без-стишна...*

И ты потом — когда-нибудь, простишь мне,
то, что живу, по правде говоря,
от листопадов и до листопадов.
И, считывая с листьев жизнь свою,
по осени летаю и пою,
и от стихов и песен небо рядом.

Эпистолярное

— ...Извини, я же не Татьяна,
хоть и пишу письма в стихах.
— Да и я, признаться, не Онегин...
Из телефонного разговора

среди стихов о неслучившемся снеге
написанных сдуру
а чаще всего — спьяну
затерялось письмо
за подписью: неонегин
на конверте размашистым почерком:
нетатьяне
внутри несколько
ничего не значащих
рифмованных слов
о прибрежном песке
сонном и ещё тёплом
и о том что ступеньки лестницы
снова листвою занесло
и о том что дожди стучатся в сердца
как в оконные стёкла
а над городом
нависло тяжёлое серое небо

край которого
острой долькой луны разорван
и из этой прорехи
сыплет мелкий снежок
больше похожий на тальк
присыпая царапины на скамейке
ссадины памяти
дрожащие пальцы катальп
и следы на песке
то ли чаячьи
то ль человечьи...
и ни слова о том
что
скучаешь и
мечтаешь о встрече...
post factum
глупо
срывать в ночь по первому зову
даже если пишешь
о неслучившемся снеге
даже если шестьсот ночей
легко отдашь за одну
в которой жив звонок телефона;
снежный тальк присыпает усмешку
маленького грифона
растекается лужицей слово
не-о-не-гин

Птичье

*В воздухе вроде бы все
было нормально,
но потом птицы
начинали как бы дрожать,
без сил падали
и вскоре умирали...*

Из сводки новостей

сколько зим у окна
а ты
всё ещё называешь меня птицей
я уже не боюсь разбиться
но уже боюсь высоты
в приближенье высокой воды
мрак и холод
земля — здравствуй...
кто замкнул над тобой пространство
повелитель
раб
поводырь
мне уже не взлететь...

а ты
всё ещё изучаешь мои привычки
но от прежних повадок птичьих
мне достался зов высоты
той что прячется
ждать устав
в придорожной
промёрзшей насквозь канаве
где вмерзает в чёрную наледь
крик разбившихся птичьих стай
где слепой маньяк-поводырь
развлекаясь
колоду судьбы тасует...

...помяни моё имя всуе
в час прихода высокой воды
помяни
и прости
ещё
помолись
авось пригодится...
если мир оставляют птицы
он как водится
обречён...

Смешаннооблонское...

Казалась невинной шалость —
за целый вечер — ни слова,
я августа надьшалась
медвяного и хмельного.
В душе разлилась усталость,
и пали руки в истоме...
Всё суетно,
всё смешалось,
как в приснопамятном доме.
Лишь с благоуханных лилий
роса (иль слеза?) струилась...
Скажи, мы с тобою были,
иль только друг другу снились,
и сон тот — причина смуты,
щемящей тоски, тревоги...
И дом наш лишён уюта,
и вид из окна — дороги.
И вместо любви лишь жалость —
иных времён отголоски.
Всё суетно...
Всё смешалось,
как будто в доме Облонских.

Мотыльковое

Мне бы коснуться Вашей руки
и замереть в смущении.
Знаю, Вам нравятся мотыльки —
полное превращение*.
Сладостный яд разольётся в крови
под небосводом розовым...
Кто там — в терновнике — гнёзда вил?[?]
Вились над кем стрекозы?[?]
Спутались мысли.
Мне бы бежать...
Лжёт во спасение разум.
Кровь иссушил смертоносный жар
перед четвёртой фазой**.
Утренний холод на крылья лёг,
кукольных нет оков...
Кто я?[?]
Серебряный мотылёк
в Ваш влетевший альков.
Как опрометчивы мотыльки,
и лучезарна смерть...
Мне бы коснуться Вашей руки
крылышком и... сгореть.

*Мотыльки относятся к чешуекрылым с полным превращением.

**Имаго — четвёртая (заключительная) фаза.

Неформат

Небрежно бросишь: «Женские стихи...
Поэзия — занятие мужское!»
и подчеркнёшь безжалостной рукою
огрехи, словно смертные грехи.
Потом добавишь: «Это неформат!»,
и удалишься, тяжело вздыхая,
журнал оставив «толстый», со стихами
на память — разбирайся, мол, сама.
И я увязну в языке чужом,
в конструкциях, что сердцем не согреты,
пытаясь отыскать лицо поэта,
а в памяти останется... пижон.
И буду вновь замаливать одна
все «прегрешенья» в тоненькой тетради...
А всё-таки, скажи мне, Бога ради,
что здесь не так,
и в чём моя вина?
Не в том ли, что осознанно вполне
к классическому слогу тяготею,
он незамысловат и незатейлив,
и потому — вне времени и вне
всех новомодных с л э м о в и течений.

Они пройдут, как дождь, как снегопад,
как сонм скоропостижных увлечений,
останется лишь то, что «неформат»,
и что людьми поэзией зовётся;
однажды взяв начало от ...сохи,
по свету бродят разные стихи,
а в сердце лишь она и остаётся.

Русинка...

*А просится — русинка —
девчонка из древних поверий,
вишнёвая косточка-бусинка
в моём родовом ожерелье.*

*Моя синевзорая пращурка —
глоток родниковой водицы,
легка и проворна — что ящерка —
славяночка-отроковица.*

*Не часто клонила головушку
и клала земные поклоны,
горчит твоя вольная кровушка
дымком половецких полонов.*

*Девчонка в рубашечке вышитой,
века меж тобою и мною,
да только по-прежнему слышу я,
как стрелы поют за спиною.*

*Никто до сих пор не ответил мне,
то явь или сон мой из детства?*

*То сердце болит иль отметина
калёной стрелы половецкой...*

Рябиновая юдоль

Когда в колыбели чёрной
баюкает ночь луну,
душа, вздохнув облегчённо,
уверует в тишину,

И в дом, где траурным крепом
подёрнута зыбь зеркал,
давно забытое лето
вернётся издалека.

И в зеркале отразится
колодец с живой водой,
дощатые половицы...
Рябиновая юдоль.

...С вязаньем женщина в белом,
как водится — у окна.

И песня, что она пела,
доносится, чуть слышна.

Она ни о чём не спросит
меня,
и я промолчу,
а утром забуду вовсе —
довольно ночных причуд!
«...довлеет дневи...» припомню
и « Господи, даждь нам днесь...»,
но будет теперь легко мне,
(ведь всё преходяще здесь),
устан от возни мышино́й,
увидеть, оставив дом,
как снегом припорошило
рябиновую юдоль.

* * *

Даже, если всё расставит
время по местам,
даже, если ближе станет
тот, кто дальше стал,
годы вытянутся в мили
и сведут «на нет»
череду имён, фамилий,
званий и побед.
Неразменной монетой
притаится вздох,
да печали перманентный,
«сахарный» ледок.
Близко будешь —
далеко ли —
жажду « аз воздам»
утолит и упокоит
тёмная вода.
И до срока лёгший камень
на душу твою
в эту темень тихо канет,
точно в польню.

Даже если станет легче
и светлей вода,
помни, время память лечит —
горечь — никогда.
Полно думать о печали —
пусть себе горчит,
только б к берегу причалив,
память излечить,
только б кто в церквушке старой
помолясь, скорбя,
Богородице поставил
свечку за тебя.

Дописываю сентябрь...

Святой Людмиле
(Чешской)

Казалось бы, вот пустяк:
осталась одна страница
мелькнувшего сентября,
но люди уже грустят
о лете...
А птицы...
Птицы об осени говорят.

И я говорю,
сполна
вверяя себя бумаге,
пускай белый свет не мил.
Но рядом со мной — она,
мой светлый небесный ангел,
заступница всех Людмил.

Дописываю сентябрь...
Затея моя пустая,
не проще ли всё забыть?

Но сто сентябрей спустя
девчонка перелистает
страницы моей судьбы.

И станет чуть-чуть добрей
судьба её,
и бумаги
отпустит ей
и — чернил
печальница сентябрей,
мой светлый небесный ангел —
заступница всех Людмил.

Просит душа кочевья

Лето уходит.

Робко бросает осень

первый тревожный взгляд через порог.

И поспевают яблоки,

и выносит

бабушка к чаю яблочный пирог.

День уходящий

тает в заре вечерней,

небо прошито нитью

звёздных дождей...

лето уходит —

ищет душа кочевье

и — не находит,

и не найдёт нигде.

Разве что в дальних

мятных сумерках летних,

где моя тень притаилась в тени стола,

где перемешан день первый

с днём последним,

ветхая скатерть крахмальна и бела...

Лето уходит.

Воздух — нежнее шёлка.

Теплится память — тихая свеча.

А на столе
дышит пирог с грушовкой,
в узких стаканах
медленно стынет чай.

И оживают
в синей поре вечерней
с детства знакомые,
лёгкие шаги...

Лето уходит,
просит душа кочевья,
и на подходе
яблочные пироги.

Не разгадать —
не объяснить, зачем я
осени жду,
светлых надежд полна.

Лето уходит,
просит душа кочевья,
значит, ещё
помнит свой дом она.

Туманное-ностальгическое

Дожди в сновидениях детских
идут, не касаясь руки,
и дышат в туманах одесских
родные туманы Оки.
Там — зябнут деревья нагие,
здесь... птичьи следы на песке...
Туманный недуг — ностальгия,
её не поделишь ни с кем.
Навязчивы эти симптомы:
тоска по горчащей листве,
тоска по далёкому дому,
по мокрой, пожухлой траве.
Ты с этой тоскою щемящей,
казалось, сроднился навек,
пытаешься жить настоящим,
но время ускорило бег.
То зимы мелькают,
то вёсны,
и ты по привычке не спишь,
и полнится стуком колёсным
без-сонная синяя тишь.

И тянет туда, где
струится
туманною негой Ока,
плывут из минувшего лица,
мелькают вязальные спицы
в натруженных чьих-то руках...
колёса выводят: по-ка...
Туман.
Ностальгия.
Тоска...

* * *

Пряностей восточных ароматы
помянут за тридевять земель,
где укрыта лепестками маков
отмелей песчаных карамель.

А над ними молодые луны
проливают негу и печаль,
отражаясь в синеве лагуны,
в песнях да в русалочьих очах.

Там туманы стелются так низко, —
в изголовье радужных долин,
и змеится тень от тамариска,
и не умолкает тамбурин.

Ты пойдёшь на звуки тамбурина,
с каждым стуком ускоряя шаг,
позабыв о доме, всё отринув,
на свиданье с будущим спеша.

Приоткроет Время смысл знаков
взмахом смуглой маленькой руки,
опадут соцветья чёрных маков —
прожитые годы-лепестки...

А когда очнёшься ты от дрёмы,
вспомнишь, что оставил далеко
землю отцветающих черёмух,
где польнь,
где мёд и молоко.

И померкнут дали золотые...
И — как прежде — будет моросить
дождик над черёмуховой стынью,
над неброской прелестью Руси.

* * *

Лечу в Тарусе грусть
живой водой Таруски*,
мне дорог этот вкус
родной горчинкой русской.
Лечу в Тарусе грусть,
но, видно, зря стараюсь —
взгрустнулось — ну и пусть, —
Судеб не выбираю.

Скитаюсь над рекой,
где спит певец Скитаний**,
и трогаю рукой
заиндевелый Камень,***
и грея поутру
озябшую рябину,
я радуюсь, что грусть
моя неистребима.

*Таруска — река в Тарусе.

**К.Г. Паустовский похоронен в Тарусе.

***Кенотаф М. И. Цветаевой на берегу Оки в Тарусе.

Лечу Тарусой грусть —
святой горчинкой русской
и спорить не берусь,
что грусть не лечат грустью.
Но кто бы ни спросил:
нарочно ли, судьба ли?
Отвечу: на Руси
клин клином вышибают.

Я не верю...

Я почти не верю в то,
что сюда вернусь когда-то;
у окна — в цвету густом,
над сиреневым кустом
дремлет липа в два обхвата...
Чья-то память коротка,
а моя длинна, и сушит
неизбывная тоска
неприкаянную душу.
Так, бывает, в плен возьмёт,
так накатит временами,
сладок этот старый мёд,
горький мёд воспоминаний.
Тешит трепетную грусть
маячок надежды зыбкой:
может, всё-таки, вернусь?
Есть же право на ошибку?
Я изверилась давно,
пряжу выпряла из грусти,
до земли веретено
память-пряслище опустит.
Нить тонка и неровна —
да крепка — другие рвутся,

эта ниточка одна
и поможет мне вернуться.
Обмелевшею рекой
с чередой заросшим руслом,
трактом иль тропинкой узкой...
стихотворною строкой
иль каликою с клюкой
с именем исконно русским...

где река неглубока,
где высок желанный берег...

я не верю.
...здесь пока мне ещё хоть кто-то верит.

Чья-то боль проросла во мне
и болит, как своя, ночами,
понимаю, что права нет
ни на крики,
ни на молчание.

В угасающих красках дня
дом далёкий кажется ближе,
там — в печи — языки огня
с лёгким треском поленья лижут.

А над домом — она — звезда,
только ей душа моя внемлет;
из земли растут города
и уходят туда же — в землю.

Но до неба — как до земли —
только жизнь...

и снова — дома...

чтобы вспомнить, зачем пришли
и откуда,

и кто мы... кто мы...

А над нами — она — звезда,
вместе с нею по жизни шли мы,
под землёю спят города,
на земле подрастает ш л и м а н...

Свет далёкой звезды в окне
разгорается — не стихая,
чья-то боль проросла во мне
и живёт, отболев, стихами.

Молитва о сломанной ветке

Писать — это втайне молиться о ком-то
Белла Ахмадулина

Пишется...
только стихи
всё больше и больше напоминают молитвы,
ветви деревьев —
линии на ладони;
по одной из них тихо ползёт улитка.
На хрупких плечах покоится раковина —
домик.
В домике нет денег,
но есть свеча на столе,
два стула,
маленькая кровать
под пыльным шёлковым балдахином...
Казалось бы, что тут сложного,
чужую жизнь рифмовать,
бросать в лицо каждому встречному
обрывки снов:
это мои стихи, мол...
А встречных будет немерено,
целующие уста
будут сочтаться патокой,

в ней скоро увязнут ноги;
и вот тогда ты растерянно
посмотришь вокруг —
пустота...
и ни одного встречного
с кем было бы по дороге.
И станешь о ветке сломанной,
что на ветру дрожит,
и о свече на столике
молиться —
ну... так уж случилось,
что снова тобой срифмована
чья-то чужая жизнь,
а для своей ни времени,
ни слов почти не осталось.
Но первый признак того,
что эти стихи — твои,
то, что они всё больше и больше
напоминают молитву;
как срастается ветка
видно только двоим:
тебе и тому, по чьей ладони
тихо
ползёт
улитка.

Время — до войны

Маме

Время — утро.
Первый летний день
солнечным песком течёт на грядки.
Платье с незабудками надень,
босоножки, новенькую шляпку.
Слухам и прогнозам вопреки,
солнечным и долгим будет лето,
домик на отшибе — у реки —
весь укрыт черёмуховым цветом.
За рекой — кузнечики слышны,
где-то стороною грозы ходят...
Время — полдень.
Лето до войны —
солнечное при любой погоде.
Засыпают узкую межу
лепестки летающего цвета...
Хочешь, я тебе наворожу
мирное, безоблачное лето.
Будет шмель над розами ворчать,
просветлеет туча грозовая,

будешь ты на папиных плечах
возвращаться из лесу, зевая.
Земляники полный туесок
на скамье оставишь — у порога...

На исходе солнечный песок,
и печальный детский голосок
тихо скажет в сумерках: Клоога*...

Целых три недели до войны.
Время — вечер.
Снимок оживает...
И передник крестиком двойным
маленькая мама вышивает.
Платье с незабудками,
и тень
на плечах — от шляпки из соломки...
Затихает первый летний день,
довоенный, мирный летний день,
словно детский голосок негромкий.

*Клоога (эст. Klooga) — концлагерь, так называемый «трудовой лагерь», организованный нацистами на территории оккупированной Эстонии недалеко от посёлка Клоога (38 км. к западу от Таллинна). В этом лагере была и моя мама. Было ей тогда 10 лет (1943 г.).

До осени молчать...

*На свете так много печали,
Что можно не думать о ней...*

Игорь Павлов

У поэта грустные глаза
оттого, что в них уснула осень;
сколько он печалей в сердце носит,
не припомнить и не рассказать.
Их не подарить и не продать,
не послать подальше... с почтальоном,
в уголке укромном, потаённом
не припрятать, чтоб забыть и ждать,
ждать у моря тихих дней погожих,
молодого солнца, теплоты,
неслучайно встреченных прохожих
на рассветных улицах пустых.

У поэта грустные глаза...
Знать, ему даровано т а к о е,
до чего дотронуться рукою
даже в сновидениях нельзя.

Можно лишь до дна испив печаль,
утешаться новой печалью,
жить как все, других не замечая,
на дожди стихами отвечая,
и молчать,
до осени — молчать.

Летящему листку

На камне высечены даты —
напоминание живым
о том, кто рядом был когда-то,
а стал волнением травы.
Но, изумрудными шелками
легко скользя в миру теней,
я вижу не могильный камень,
а фото в рамке на стене.
Ушедший — всюду,
в мерном бое
часов старинных в темноте,
в солёной свежести прибоя,
в прожилке тонкой на листе,
что падает — один из многих —
вкушая позднее тепло,
осенним утром мне под ноги
их целый ворох намело...

как тень тоска сиюминутна...
я возвращаюсь в мир людей,
в привычность быта и уюта,
к окну, где пара орхидей

цветёт, не думая о стуже,
им — орхидеям — не страшны
морозы первые.
Им нужен лишь тот,
кому они нужны.
Глядит на их мирок укромный,
листок, летящий в никуда,
мой проводник,
мой родич кровный,
моя кленовая звезда.
Друг бесприютный,
друг бездомный,
полёт под силу нам вдвоём...
Живи крылом,
строкой неровной
в стихотворении моём.

И опять приснится тебе Воронеж...

Н. Я. Мандельштам

И опять приснится тебе Воронеж...
Ты рукой легонько калитку тронешь,
и ворвётся в сон твой московский ветер,
дождь прольётся питерский на рассвете
и омоет горькую пыль Чердыни —
чище нет воды, и светлей воды нет.
На один лишь вздох в перестук вагонный
прошлое вплетёт шепоток знакомый...
Ты несёшь в себе всё, что написал он
по чужим углам, по ночным вокзалам.
На сто лет вперёд — не видать просвета,
жил поэт — и вот — нет в живых поэта,
был поэт и вдруг в одночасье сгинул,
на сто вёрст вокруг — братская могила.
Кто?
Когда?
За что?
Их имён не знает
ш и р о к а с т р а н а
ч т о д о с л ё з р о д н а я...

И опять приснится тебе Воронеж,
ты в пустом гробу свою боль хоронишь,
а за гробом — лагерные обозы,
а над гробом — ласточки да стрекозы.
Ни холма могильного нет — ни камня,
только гладь ковыльная с васильками...

Прилетала поутру сорока...

Светлой памяти Ани Яблонской...

1.

Прилетала поутру сорока,
споро стрекотала под застрехой
о своём, о птичьём — о сорочьём,
да с хвоста отряхивала вести.
Вещице* в дороге повстречались
ангелы, спешащие к восходу,
не оравой и не птичьим клином —
караваном ангелы летели...
Знать, тебе приблизилось, сорока!
Ангелы так низко не летают...
Видно, гуси-лебеди решились
счастья попытать за океаном.

*А почто перечишь ты сороке,
встречный караван был тих да светел...
Страх, как гуси-лебеди крикливы —
на земле их крик далече слышно...*

*Вещица-сорока — вестница, предсказательница, вещейка (слав.).

И пока сорока стрекотала,
самый нежный и прекрасный ангел,
крылышком задев за луч рассветный,
обронил перо над спящим кровом.
И притихла вещица-сорока,
и забилась глубже под застреху,
а на детской розовой ладошке
золотое пёрышко дрожало...

2.

«Что возьмёшь, судьба, за строчку
у меня — беспечной,
да за ярко-синий росчерк
на дороге млечной?»

За отчаянье с тревогой
да за то, что прожит
не за пазухой у Бога
век земной — без кожи.

У тебя расценок, знаю,
не бывает низких,
заплачу за всё сполна я —
не взымай лишь с близких.

Назначай скорее цену,
нам ли торговаться...
Коль взошла на эту сцену —
некуда деваться.

Коль в чужие вхожа жизни,
как в свою не вхожа,
сколько требуешь — скажи мне,
сговоримся, может...

Что ещё с меня такого
не взяла ещё ты...?»

«Жизнь возьму.
И знай: другого
не бывает счёта...»

Чужие слова

Я нужных слов не нахожу,
чтобы успеть сказать о главном,
гляжу, как буднично и плавно
уходит лето за межу —
за ту невидимую грань,
перед которой утихают
слова, что стали бы стихами
ещё вчера...
ещё вчера.

Лгу этим стихнувшим словам,
вторую жизнь обещаю,
увещеваю, что молчанье
началом кто-то называл.
Отбрасываю хлам и шлак,
и вижу лишь слова... чужие,
тех странников, что пережили,
всё то, к чему... и я пришла.
Всё то, что доля иль судьба,
всё то, о чём не говорим мы,
лишь отзвук еле уловимый
угадываем на губах.

Так звукопись времён иных
звучит в миру потустороннем,
едва губами слово тронем...
стихи напомнят нам о них,
И обнажится скрытый смысл,
апокриф — тайнопись поэта,
и ускользающее лето
возникнет посреди зимы,
явив на миг, что унесло:
отжившее, пережитое...
о чём и говорить не стоит.. —
коль не случилось нужных слов.

*И режет горло тонкой нитью чёрной
твой грех.*

И тихо лето догорает.

Грешна...

Самолюбива.

Непокорна...

И всё ж — святая!

МЕЖМИРЬЕ. МАРИНЕ...

Я не хочу умереть.

Я хочу не быть.

Марина Цветаева

реки текущие вспять
люди зовут зеркалами
заглядывают туда
чтобы себя увидеть
а видят лишь отражения
живущие странной жизнью
и охотно им верят...
просто они забыли
чтобы себя увидеть
в себя и нужно глядеться
и там же — в себе — однажды
можно увидеть Бога
люди — большие дети
доверчивы и наивны
«по образу и подобию»
созданные когда-то
бродят в подлунном мире
отчаявшись
одинокими...

на небеса уповают
и носят в себе спасение

невыносимо больно
в себя заглянуть однажды
и не найти там Бога
и в зеркала вернуться...

* * *

Зажата меж двух миров:
привычным и тем, ничьим —
основой первооснов,
причиной первопричин.
В одном из них — суета,
любовь и свет — во втором,
а в целом: ни тут — ни там
родных не сыскать сторон.
А в целом: ни над — ни под,
в межмирье свой крест влачу,
сама себе антипод,
то плачу — то хохочу,
то падаю — то встаю,
а в сущности — всё одно,
ни в этом — ни в том «раю»
забыться не суждено.

Я выберу дальний свет
и дольнюю суету,
сто вёсен, сто зим, сто лет,
а осень одну и — тут.
Прочнее любых вериг
соблазн «не быть»,
не стать...
да птичий тревожный крик,
запёкшийся на устах.

* * *

Была в одном из воплощений
свободной птицей,
жила у скал, где из расщелин
вода сочится,
и вереск облаком лиловым
легко вздыхает...
Кому простор небес дарован —
на том греха нет.
Ни голубица — ни сорока —
теперь не вспомнишь...
но у ручья в лесу до срока
расцвёл шиповник*,
И... девочка проснулась в доме,
где плачут ветры,

и, в кровь царапая ладони,
сломала ветку.
И вился след по разнотравью,
бело и ало
через без-домье и без-славье —
до пьедестала.
Через тарусское двуречье,
через Трёхпрудный,
от бирюзового колечка
да в дом безлюдный,
по бузине, по землянике,
дождём омытой,
от коктебельских сердоликов
да к доломиту...
Одна, одна во мгле кромешной,
весь мир отринув,
шла девочка...
она, конечно,
звалась Мариной.

* * *

Осень щедро расточает
мимолётное тепло,
день безветренный случаен,
дождь прощален,

взгляд печален:
было лето да прошло.
И уже плащом неброским
скрыт изящный локоток;
в папке — летние наброски:
речка, ро́ща, перекрёстки...

...чей-то милый шепоток.

Будут летние эскизы
от тоски зимой́ спасать
от хандры и от капризов,
от занятий по часам:
от этюдов, экосезов,
от сплошного «до-ре-ми»...
Спит соседский кот облезлый
под притихшими дверьми.
Наступает воскресенье,
значит можно до утра
вспоминать...
А день осенний
исчезает во вчера.

*Считалось, что под шиповником живут духи, уводящие человека на тот свет. Шиповник растёт на границе двух миров.

Там в Тарусе — на террасе
самовар... душистый мёд;
Летний полдень тих и ясен.
Голос Тьо*: « Маруся... Ася!»
к чаю девочек зовёт.

* * *

Разрываюсь в исступленье
между светом, между тенью,
между снами, между явью;

зеркало напротив ставлю...

Там, в заброшенном зимовье,
чёрный ворон в изголовье
крылья чёрные расправил...

я прогнать его не вправе.

Нет спасения от боли...

*Тьо — Сусанна Давыдовна Мейн. Вторая жена А.
Д. Мейна — деда сестёр Цветаевых по материнской
линии.

Ворон, чьей ты жаждешь крови?
Чей посланник ты?
Не лги мне...

пробуждаюсь утром зимним

в ти ши не

рассвет крадётся,
солнце в зеркале смеётся.
За окошком белый снег,
чёрный ворон... —
сон во сне.

И опять душа в смятенье
между светом,
между тенью...

* * *

а меня — нет
я даже не снюсь тебе
твой город и пуст и бел
хотя до зимы ещё
четыре полных луны

а меня — нет
мой образ почти истлел
есть только размытый след
хотя до зимы ещё
четыре тёплых дождя

а меня — нет
лишь имя моё живёт
в безмолвии синих вод
хотя до зимы ещё
четыре ветра разлук

а меня — нет
и не было никогда
был солнечный бриз
удар
хотя до зимы всего
четыре взмаха крыла

я помнится здесь жила
и кем-то тебе была
любимой
нет-нет
женой

рожала твоих детей
хранила тепло огня
и в будничной суете
забыла
как звать меня
стихи и страницы Вед
забыла
но вспыхнул свет
и вот
меня
нет...

* * *

Сны стали сбываться реже, а сниться — чаще,
безжалостно утро режет сюжет, кричащий
о том, что было когда-то давно
со мною...

В межрамье — рябина, вата, и снег стеною.
И весело всё и ярко, как в детской книжке,
два раза в году — подарки, конфеты... мишка...
два раза в году — поездки в Москву и к морю,
а приступы боли резкой года размоют.
Стерильная грязь больницы и запах хлорки,
в кармашке пижамы — птицам —
две хлебных корки,

ракушка, листок тетрадный, где восемь строчек,
написанные в парадном однажды ночью...
А после пойдут погосты, кресты да храмы,
дождями омытый остов, где в пояс травы,
где вороны в небе кружат
над тихой рощей,
где ветер осенний в лужах
листву полощет,
где вспять уходящим водам зеркал старинных
рябиновый отсвет отдан строкой Марины.

Осень...

*От бессмысленного бега
прячусь в откровенье старых стен,
где так остро пахнут первым снегом
лепестки осенних хризантем.
Может, он пойдёт сегодня ночью,
выбелит дорожки и кусты,
и в рассветном гомоне сорочьем
станет меньше зряшной суеты.
И подхватит белое круженье,
сонный сад и сонные дома,
и... замедлит шар земной движенье,
вдруг и вправду началась зима?
Или кто-то там — за облаками,
в неподвластной людям вышине,
щедро осыпает лепестками
землю в предрассветной тишине.
И...замедлит шар земной вращенье,
и слетят на землю лепестки,
зимнее готово угощенье:
чай с толикой
грусти и тоски
и стихи — посланья без ответа,
письма никому и в никуда,*

**в них моё тепло,
дыханье лета,
осень,
первый снег и...
холода.**

**Нет, стихи... они не виноваты,
только в откровенье старых стен
всё острей,
всё ближе горьковатый
аромат осенних хризантем.**

Танец маленьких Саламандр*

Ар.

Знаешь, мне всё ещё снится зима —
тонет в безбрежии белом хижина...
и прирученный огонь так мал,
что его отсвет только и вижу я.
Может, ты помнишь, в каком из миров
выковал меч свой под песнь снежную?
Я открывала гептамерон,**
плавился воск, со слезами смешанный,
белой подковой лежал меандр***
над чернотой подземелий каменных...
Помнишь двух маленьких Саламандр,
что танцевали в подростшем пламени?
Помнишь, как было легко молчать —
просто идти одной дорожкой,
руки твои на моих плечах
мне и без слов говорили многое.

*Саламандра — дух Огня.

**Гептамерон (гримуар) — Книга, в которой описаны заклинания на семь дней недели.

***Меандр — плавный изгиб речного русла.

Ты и сегодня куёшь мечи,
Я — плавлю воск, на слезах замешанный,
мы и сегодня ещё м о л ч и м,
только... всё реже м о л ч и м по-прежнему.
Но оживёт на клинке меандр****
из сновидений,
и вновь увижу я
танец двух маленьких Саламандр
над занесённой снегом хижиной.

****Меандр во втором случае — узор, геометрический орнамент в виде ломаных линий.

Синдром Ундины*

*Печаль-Вода тёмная,
моей болью полная...
Печаль-Вода горькая,
верни наговор ко мне...*

*Не мною — да сказано,
не мною — да сделано,
судьба твоя связана
с озёрною девою.*

*Над белыми дюнами
плывёт луна юная.
А век земной короток —
Забыл меня скоро ты...*

*Не мною — да сказано,
не мною — да сделано,
душа твоя связана
с озёрною девою.*

*Над белыми дюнами
взойдёт луна юная,
А век земной короток —
придёшь ко мне скоро ты.*

* * *

спишь...

время от времени

прикладываю ладонь к твоей груди

дышишь ли

тихо в палате

на улице жуткая холодина

врач

не поверил мне

когда вчера заходил

на вопрос

кто вы ему —

я улыбнулась — *ундина*

спишь...

и на имя Гюльбрандт

откликаешься только во сне

где озёрная дева в увядшем венке

бродит по сонному замку

ты задыхаясь шепчешь ей вслед

что не доживёшь до утра

но она не слышит

что бы ей ни сказал ты

просыпаешься...

я
брожу по городу допоздна
чтоб вернуться к тебе
и всю ночь
хранить
ускользающее дыхание
бедный рыцарь
когда бы ты знал
что причина всех твоих бед
таится в тебе
и зовётся... грехами
спи
за окном
капли дождя разбиваются о карниз...
лист назначений с диагнозом
синдром ундины
исписан стихами
отпускаю тебя
дыши
вдыхай в себя новую жизнь
лишь озёрных дев сторонись
и ещё... —
не клянись дыханием

**Старинная легенда гласит, что владелец замка Рингштеттен, славный рыцарь Гульдбрандт, однажды заблудился в лесу.*

Спас его старый рыбак, который охотно согласился дать рыцарю приют. В доме рыбака Гульдбрандт познакомился с прекрасной юной девушкой по имени Ундина, приемной дочкой рыбака и родной дочерью морского владыки. Без памяти влюбился в нее рыцарь и предложил Ундине руку и сердце.

Зная о том, что, родив ребенка, она перестанет быть бессмертной, Ундина согласилась выйти замуж за любимого. На венчальном алтаре рыцарь поклялся ей в верности: «Дыханье каждого моего утреннего пробуждения будет залогом любви и верности тебе». Спустя девять месяцев Ундина родила сына. Шли годы. Она старела, и муж стал терять к жене интерес.

В один прекрасный день Ундина застала

Гульдбрандта в объятиях другой. Убитая горем, она прокляла неверного супруга:

«Ты поклялся мне своим утренним дыханием! Так знай, пока ты бодрствуешь, оно будет при тебе, но как только ты уснешь, дыхание покинет твое тело, и ты умрешь».

В наши дни «проклятие Ундины» — неофициальное название синдрома остановки дыхания во сне, который известен как опасное апноэ.

Согласно классификации основных нарушений сна, понятие диссомнии включает синдром сонных апноэ (ССА), при котором во время сна наблюдаются временная остановка дыхания, или апноэ.

Леди из Шалот

Эта легенда жива и поныне:
дремлет на небе задумчиво-синем
алое око луны.

В замке на острове дева томится,
грустные песни и людям и птицам
в час полнолунья слышны.

Пленница в зеркало смотрит и верит —
недолговечно проклятие фэйри,
только б соткать гобелен...

Бедную деву преследуют тени,
призраки вьются в зловещем сплетении,
стелются подле колен.

Бродит легенда по белому свету,
прячется остров в тумане рассветном,
лодка у берега ждёт...

Слышишь, печальные эти напевы?
В замке на острове нежная дева
тихую песню поёт...

* * *

Повелитель моих снов,
рыцарь Ланселот,
о тебе грустит давно
дева из Шалот.
Пусть укажет путь луна,
а послушная волна косу расплетёт...

Серебриста и тонка
вьётся нить в руках.
Не купить и не сыскать
вам таких зеркал...
День за днём —
за годом — год
тени водят хоровод
в зеркале Шалот.

Сколько раз я, мой герой,
храбрый Ланселот,
целовала локон твой
сквозь зеркальный лёд.
А в окно нельзя смотреть —
близко-близко ходит смерть
Леди из Шалот.

* * *

Сквозь призрачность теней и серость стен
за каплей капля — дни мои уходят,
я всё ещё мечтаю о свободе
и тку своих иллюзий гобелен.

Такая роль судьбой отведена
заложнице бездонного овала;
кого ищу среди зеркальных залов?
Кому пою о том, что я — одна...

А за спиной — открытое окно,
и мысли перепутались, и нити...
Всё ближе тени — не остановить их,
и всё давным-давно предрешиено.

Я знаю — в законе всё не так,
все отраженья искажают лица,
там жизнь состоит из репетиций,
и лишь мгновенье длится сам спектакль.

От осознания, что мертва давно,
не отрешиться добровольным пленом.
Низвергнуты иллюзий гобелены,
я выбираю лодку и окно...

Из цикла «Киммерийские хроники»

* * *

Весна принесёт бессонницу
и дальних дорог жажду,
и маленький город вспомнится,
попав в который однажды,
к местечку этому скромному
неясной тоской влекома,
родство ощутила кровное
на улицах незнакомых.
Шагну в лабиринты прошлого,
примерю судьбы и лица,
мелькнёт сарафанчик с прошвою
у дома под черепицей,
в саду...
не изба российская
и не украинская хата —
ну что ж ты,
ступай, отыскивай,
свой след на земле Солхата*.

*Солхат — одно из древних названий города Старого Крыма.

Соранг

У моряков есть поверье, что среди бушующих нордов и трамонтан, муссонов и сокрушительных тайфунов есть жаркий ветер соранг, дующий один раз за многие сотни лет.

Соранг приходит с южных румбов горизонта поздней зимой и обыкновенно ночью. Он приносит воздух незнакомых стран, печальный и легкий, как запах магнолии.

Сами по себе начинают звонить колокола сельских церквей, голубая заря поднимается к зениту, и сквозь снега пробиваются цветы, похожие на подснежники.

К. Г. Паустовский

Мне останется синь да сон,
капля сумерек киммерийских,
впечатлений дорожных сонм
о земле далёкой, но... близкой.
Не отвечу — и не проси,
мне самой удивляться впору,
как в равнинный покой Руси
просочились Синие горы.

Эту данность не объяснить —
я давно породнилась с нею,
видно, выпряла Доля нить:
тоньше — нет,
но и нет прочнее.
И когда из далёких стран
за дождями ветра слетятся,
возвратится в мой дом Соранг —
приносящий тепло и счастье.
И припомнится сон,
где синь,
и забвеньё уже не тронет
на седых дорогах Руси
алый след киммерийских хроник.

На улицах Старого Крыма

на улицах Старого Крыма
солнца больше чем где бы то ни было
в нём купаются здешние воробьи и голуби...
обленившиеся коты
похожие на языческих идиолов
так заносчивы и вальяжны...
это всё оттого что им
ничего неизвестно о холоде...

на улицах Старого Крыма
можно временем пренебречь
освободившись от мнимых привязанностей
привычек
и прочих земных оков
и сразу же станут слышны крики погонщиков:
чужая гортанная речь...
внезапно
тонкий запах шафрана на миг отвлечёт
от стука конских подков

на улицах Старого Крыма —
в придорожной пыли —
бродят толпы чихающих туристов

— их ничуть не смущает
что ПЫЛЬ эта — ПЫЛЬ веков...
и что они окончательно
затопчут следы караванов
которые здесь прошли
по Шёлковому пути...
один из тюков
(с чёрным перцем) порвался
содержимое высыпалось на дорогу
и смешалось с пылью...

ты тоже хочешь увидеть ПЫЛЬ веков?
посмотри на чихающих туристов...

ВЕСЕННЕ-НЕВЫНОСИМОЕ

**Так и пишу — без псевдонимов,
без инсталляций и мимикрий,
так и живу: в сущности — мимом,
но иногда срываюсь на крик.
Не выношу мест и имений
от первых лиц,
пену и шум,
не выношу лунных затмений,
солнечных — тоже — не выношу.
Не выношу триумфальные арки
и новодел
и вердикт — «на слом!»
да..
и вон ту девушку в парке,
что весела, оттого что с веслом...
Тех, кто сумняшеся ничтоже
грязными щупальцами — в душе,
впрочем, тех, кто чистыми — тоже
не выношу — лезли уже...
Не выношу кормушек и клеток,
белых от злобы
глаз проповедников,**

*не выношу королевских левреток —
коммуникабельных бесхребетников.
В детстве меня за это ругали,
позже — пытались лечить голоданием
те, кто издал полный список регалий
в твёрдом глянце
отдельным изданием*

*(ежегодный тираж — одна тысяча
экземпляров, на лицевой стороне обложки
— фото во весь рост с указанием точного
веса, памятных мест настоящих, прошлых
и будущих, и домашнего адреса...)*

*Так и живу
с идиосинক্রазией,
без адаптаций и мимикрий...
Осень — моя анестезия,
но по весне срываюсь на крик.*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Приговорена</i>	3
Яблоневые сны. Седмица.....	5
«Только-только месяц зарев в окна постучит...».....	6
«Август негою убаюкал...».....	7
«Разлукой легла...».....	9
Рукой подать.....	11
Сердце августа.....	13
«Август ближе к призрачной гавани...».....	14
<i>Говорим</i>	15
Прощание с летним днём.....	16
«Смещение пространств...».....	18
За птичьим клином.....	20
Осенних равноденствий плен.....	22
Видать, и мне опущено сполна.....	23
Я почему-то знаю.....	25
Незимние стихи.....	27
« <i>Не привыкай ко мне...</i> ».....	29
Ещё одну жизнь на стихи потратить.....	30
По осени пою.....	32
Эпистолярное.....	33
Птичье.....	35
Смешаннооблонское.....	37
Мотыльковое.....	38
Неформат.....	39

Русинка	41
Рябиновая юдоль.....	42
«Даже, если все расставить...».....	44
Дописываю сентябрь.....	46
Просит душа кочевья.....	48
Туманное-ностальгическое.....	50
«Пряностей восточных ароматы...».....	52
«Лечу в Тарусе грусть...».....	54
Я не верю.....	56
«Чья-то боль проросла во мне...»	58
Молитва о сломанной ветке.....	59
Время – до войны.....	61
До осени молчать.....	63
Летающему листку.....	65
И опять приснится тебе Воронеж.....	67
Прилетала поутру сорока.....	69
Чужие слова.....	72
«И режет горло тонкой нитью чёрной...» ...74	
Межмирье. Марине.....	75
«Осень...»	85
Танец маленьких Саламандр.....	87
Синдром Ундины.....	89
Леди из Шалот.....	94
«Весна принесёт бессонницу...».....	97
Соранг.....	98
На улицах Старого Крыма.....	100
Весенне-невыносимое	102

Видавництво «Optimum», 2014
(російською мовою)

Литературно-художественное издание

Людмила Шарга

ЯБЛОНЕВЫЕ СНЫ

Стихотворения

Издатель Борис А. Эйдельман.
Редактор И. Р. Харитонкина.

Подписано к печати 28.01.2014. Формат 84x108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура AcademySTT.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 3,38.
Тираж 100 экз. Заказ № _____

Издательство «Optimum», 65045, г. Одесса,
ул. Спиридоновская, 9.
Тел/факс (048) 726-48-98; тел: (048) 794-12-42;
(094) 950-42-42.

Лицензия ДК № 927 от 23.05.2002 г.

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
в ООО «Лерадрук»,
64700, г. Раздельная, Оесской обл., ул. Ленина, 44.

По вопросам приобретения
книг об истории Одессы,
а также издания книг
любых жанров и тематики
обращаться:

Издательство «Оптiмум»

65045 г. Одесса, ул. Спиридоновская, 9

тел. (048) 726 48 98, (094) 950 42 42

(048) 794 12 42

e mail: optimum1@ukr.net

